

СЕРБ

1999

THE UNITED STATES OF AMERICA
DO hereby certify that the within and foregoing is a true and correct copy of the original as the same appears from the records of the Department of the Interior.

Ляйсан Файзуллина

СЕРЬ

«Автор»

2026

Файзуллина Л.

СЕРБ / Л. Файзуллина — «Автор», 2026

В романе «Серб» рассказывается о Драгане — успешном журналисте федерального канала, который каждый день освещает радостные события, маскируя глубокую травму. В детстве он пережил бомбардировки Белграда в 1999 году и потеря отца, после чего переехал с матерью в Москву. Задание подготовить репортаж к 25-летию трагических событий становится для него испытанием: герою предстоит встретиться с демонами прошлого. Через историю Драгана автор раскрывает судьбы целого поколения, пережившего войну, и показывает, как детские травмы влияют на взрослую жизнь. Книга о том, как найти силы жить, несмотря на неотступное прошлое.

© Файзуллина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	16
Глава IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

СЕРБ

Аннотация

В романе «Серб» рассказывается о Драгане — успешном журналисте федерального канала, который каждый день освещает радостные события, маскируя глубокую травму. В детстве он пережил бомбардировки Белграда в 1999 году и потеря отца, после чего переехал с матерью в Москву. Задание подготовить репортаж к 25-летию трагических событий становится для него испытанием: герою предстоит встретиться с демонами прошлого. Через историю Драгана автор раскрывает судьбы целого поколения, пережившего войну, и показывает, как детские травмы влияют на взрослую жизнь. Книга о том, как найти силы жить, несмотря на неотступное прошлое.

Глава I

— Три, два... — секунда растянулась. — Один.

Тихий голос:

— Поехали.

Два шага — и он в кадре: силуэт с широкими плечами. Позади него переливались купола Василия Блаженного: красные, зелёные, золотые.

За оператором толпились туристы. На миг его взгляд задержался на них — и снова к тексту. Всё затихло.

И он продолжил:

— Вся страна празднует Масленицу, и это народное гулянье, которое объединяет поколения, — артикулировал он, — В столице с 11 по 17 марта пройдёт ежегодный фестиваль «Московская Масленица 2024». Гости смогут погрузиться в мир русской культуры, услышать любимые мелодии в исполнении народных инструментов.

Он вдохнул, и дрожь ушла, оставив холодную ясность. Речь лилась ровно, но он не чувствовал её своей. Запись удалась с первого дубля. Звук был чистым, темп точным. Эта безупречность напоминала манекен: красивая, но безжизненная.

И всё же... Можно расслабиться.

Привычным взмахом он дал знак оператору Мише закончить съёмку.

— Серб, — произнес Миша, убирая камеру, — Материал готов.

«Серб». Челюсти сжались. А на небе — другое: «Драган. Драган. Драган».

— Осталось смонтировать. А ты, Серб, какой-то грустный! Ты всегда грустный! — заметил Миша, снимая камеру с штатива. — За столько лет работы ни разу не видел тебя веселым. Пойдем, проветримся?

Драган чувствовал тоску постоянно, начиная с 1999 года. Он не видел смысла искать слова, чтобы объяснить её причины. Когда люди задавали вопросы о его состоянии, не был уверен, делают ли они это из вежливости или ему это только кажется.

Он не мог вспомнить, когда улыбка была искренней. В памяти сохранились только моменты из детства. Во взрослой жизни она стала привычным действием: он автоматически улыбался на работе, в транспорте и при общении с незнакомыми людьми.

— Нет. Спасибо, Миша. Я устал. — его слова прозвучали заунывно, рука бесцельно поправила волосы.

— Ну, как знаешь, — бросил он равнодушно, — дело твоё.

Драган стоял на краю тротуара, наблюдая за тем, как уходит Миша. Миша удалялся, становясь всё меньше, и наконец слился с безликим потоком людей.

Драган брёл по Варварке. В голове стоял гул. Каждый шаг ввинчивался в асфальт: метро всё не приближалось, дорога тянулась. Проскальзывал между людьми, пытаясь раствориться в шуме города — заглушить мысли, стать тенью, исчезнуть.

Яркая вывеска стрелкового клуба «Fireline» остановила его. Что-то давнее дрогнуло внутри.

«А почему бы и нет?» — подумалось ему.

Тир стал для Драгана причалом ещё в подростковом возрасте. Вместе с друзьями они копили каждую копейку, мечтали о том часе, когда наконец смогут сделать первый выстрел.

За входом открылась комната. В дальнем углу — стойка со стеклянной витриной. В ней размещался арсенал. Револьверы и винтовки отсвечивали блеском.

— Добрый вечер, — раздался голос девушки.

— Добрый, — ответил Драган и невольно засмотрелся на неё.

Его зацепили детали, спорившие между собой. Две фиолетовые пряди по бокам дерзко нарушали симметрию. Волосы не стремились к порядку — жили своей жизнью. Серёжка в носу молчала, но её безмолвие было манифестом. А ещё — кожа: тёплая, плотная, как полированное дерево. Не гармония. Честность.

Она заметила его взгляд и спросила:

— Чем помочь?

— Мне бы хотелось пострелять, — сказал Драган, стараясь не выдать волнения.

— На какое время?

— На тридцать минут.

— Пойдёмте, — жестом пригласила девушка, и Драган последовал за ней.

Её пальцы скользнули по серебристой ручке. Дверь упёрлась, не желая впускать. После второго рывка поддалась со скрипом. А за ней — тир.

Стены поглощали свет. Пол из мраморного камня ловил отблески. Вдоль дальней границы зала выстроились картонные мишени, их края испещрены выбоинами от пуль.

Воздух сгустился от запаха оружейной смазки и гари пороха. В углу тихо гудел вентилятор, разгоняя душный воздух. За перегородкой раздавалось поскрипывание — кто-то чистил ствол.

Пройдя мимо перегородки, они подошли к тележке, где в строгом порядке лежали защитные очки, наушники и три пистолета Макарова.

— В первый раз? — спросила девушка, не отводя взгляда.

— Нет, — коротко ответил Драган.

— Нужен инструктор?

— Нет, спасибо.

— Тогда подпишите, — она протянула два листа.

Драган взял бумаги. Взгляд скользил по строкам, но мысли крутились в другом ритме: «Я беру на себя ответственность...» — машинально вывел он подпись.

Пальцы подрагивали — не от слабости, а от напряжения. Девушка заметила это, сдержанно улыбнулась уголком рта, но промолчала. Её движения были отточены: забрала листы, развернулась, и каблуки простучали по твёрдому полу.

Драган надел очки и наушники. Металл пистолета «Baikal 442» лёг в ладонь тяжестью знакомого веса.

Он отключил предохранитель. Метка в конце зала ждала его решения.

Вдох.

Выдох.

Плавное нажатие на спуск.

Первый выстрел ударил по нервам. Тело отреагировало раньше разума: по мышцам прокатилась волна, не боль и не удовольствие — чистое, концентрированное ощущение бытия. Воздух тут же наполнился едким ароматом пороха, а перед глазами расплылось полупрозрачное облако.

Через несколько секунд зал вздрогнул от очереди выстрелов. В наушниках звуки трансформировались: не просто грохот, а глухой, ритмичный пульс. Дым заполнял пространство, размывая границы между целью и реальностью, и с каждым новым выстрелом всё свелось к одному: точка прицела, спуск, пульс, слившийся с темпом стрельбы.

Полчаса растворились — остались чувство удовлетворения и лёгкая усталость. Пальцы ещё дрожали, не желая отпускать напряжение, а сердце стучало, разгоняя горячую волну по жилам.

Он хотел продолжать — чтобы каждая пуля, вылетая из ствола, уносила с собой тяжесть невысказанных слов. Но её голос, тихий и настойчивый, разорвал этот ритм. Он выдернул его

из омота стрельбы — к миру, где не было мишеней, только будничная реальность, которую избегал.

Шаг за шагом он направился к выходу. Дверь скрипнула, и в тот же миг его окутал воздух — прохладный, чистый, живой.

Стемнело.

Город задышал, окутанный огнями. Тени от неоновых бликов дёргались на асфальте, а гул машин стелился по улицам, убаюкивая.

«Мне нравится ночная Москва, — промелькнуло в сознании. — Хорошо бы провести ночь, наблюдая за этой красотой».

Бах-ба-бах — звук ударил в грудь, отдался в висках резким толчком. Он вздрогнул. Следом уже сверкнула первая вспышка, рассыпаясь золотыми искрами, за ней — ещё одна, багровая, потом зелёная, взрывающаяся веером.

И время рвануло назад — не просто в детство, а в тот самый год, в Белград 1999-го. Ему двенадцать. Ночь такая же тёмная, но вместо неоновых огней — тревожные отблески пожаров. Вместо убаюкивающего гула машин — вой сирен.

Глава II

Серая предрассветная дымка прокралась в комнату, выдернув Драгана из кошмара. В сознании ещё звенели сирены, мелькали размытые фигуры врачей, а перед глазами стояли носилки, накрытые простынями.

Он резко открыл глаза, содрогнувшись. Тело дрожало, а сердце колотилось так, что, казалось, готово было пробить рёбра. Короткие каштановые волосы, склейки от холодного пота, прилипли к коже. Глаза цвета коньячного бриллианта устало смотрели в тусклый свет лампы.

Бессонница редко настигала его, но в эту ночь не отпускала до рассвета. Спасением стал отцовский дневник. Рука сама потянулась к тумбочке, пальцы нащупали шершавую кожу обложки, знакомый рельеф. Драган схватил потрёпанный дневник — последний осколок отцовского тепла. Он вдохнул запах старой бумаги и кожи.

И погрузился в строки.

«24 марта 1999 года

Обычное утро: запах свежесваренного чая, звон посуды. За столом — моя семья. Невена разливает чай, Драган уплетает *ćevapi*¹. Он сегодня в ударе — без умолку болтает о футболе. Оказывается, его назначили капитаном школьной команды! Сердце забилося чаще от тепла: мой мальчик растёт настоящим лидером.

Невена молчит, задумчиво глядя в окно. Знаю, её мысли где-то далеко — в школе, с её учениками. Вчера она рассказывала о предстоящей экскурсии в Военный музей. Я всё прокручиваю её слова в голове: «Дети должны знать историю...»

Пока Драган описывал вчерашний матч, я машинально записал пару фраз в блокнот. Пальцы сами тянутся к ручке, когда думаю о работе. Как странно: две жизни — семейная и журналистская — переплетаются в моей голове.

Смотрю на него и думаю: ещё вчера он боялся мяча, а сегодня ведёт команду к победе. Хочется верить, что эти моменты останутся с нами навсегда.

P.S. Ах да, *kifla*² (любимый сладкий пирожок Драгана)! Не забыть купить по дороге домой. И дописать сюжет для вечернего выпуска...»

Драган любил их маленькую двухкомнатную квартиру. Хотя она и тесной была, но по утрам в неё проникал свет — мягкий, настойчивый, обещающий новый день. И в эти минуты всё остальное теряло значение. В его комнате у окна стоял деревянный стол со стулом, а у правой стены — кровать, украшенная наклейками с футболистом Матеем Кежманом.

Каждые выходные Драган с нетерпением ждал матчей с участием кумира. После одного из таких матчей он впервые попросил отца купить ему футбольный мяч. Вскоре записался в школьную команду — и, к собственному удивлению, стал её капитаном.

Его любимым местом для уединения был шкаф. Там, среди аккуратно сложенных вещей, он чувствовал себя в безопасности — как в крепости, где можно перечитать старые комиксы или помечтать о футболе.

Вторая комната была общей. Здесь размещались гостиная, спальня родителей и столовая. Каждое утро его будил аромат *ćevaga* или *proja*³, разливающийся по квартире.

¹ Традиционное блюдо балканской кухни, распространённое в Черногории, Боснии и Герцеговине, а также в некоторых регионах Сербии. Это сытная каша на основе: кукурузной муки, свежего творога или полутвёрдого сыра, молока и воды, каймака (густых сливок или сливочного масла высокой жирности).

² Традиционная сербская булочка в форме полумесяца, разновидность дрожжевого хлеба. Часто подается на завтрак с кофе или чаем. В Сербии популярны варианты с сыром и кунжутом.

³ Традиционное сербское блюдо, рассыпчатый пирог из кукурузной муки. В качестве начинки обычно используют сыр и зелень: лук, шпинат, петрушку. Но также часто готовят постную *proja* — без начинки.

В центре комнаты стоял круглый стол, а между двумя окнами напротив двери стояли старинные немецкие напольные маятниковые часы. Их неторопливый бой наполнял квартиру спокойствием. По вечерам этот мерный стук маятника дарил Драгану ощущение умиротворения.

Часы напоминали ему башню из детских сказок: высокая, строгая форма, узкие «окна» циферблата. Дедушка привёз их после войны, и Драган верил: в их механизме спрятаны истории, которые никто уже не расскажет.

Когда Драгану было три года, он как-то спросил маму:

— Мам, а дедушкины часы похожи на башню?

Невена улыбнулась. Её взгляд скользнул к часам. Высокая, строгая башня с маятников-м-шпилем...

— Да, сынок, ты прав.

Она обняла сына, начала сказку. Голос звучал тише.

«В далёком королевстве жила принцесса. Старик с глазами, как две чёрные дыры, запер её в башне из стекла и тени. Но принцесса не плакала. Каждую ночь она плела из лунного света нити — тонкие, как паутина, — чтобы сплести лестницу к свободе.

Однажды юноша, который боялся темноты, услышал её шёпот. Он не взял меч. Взял флейту. И когда он заиграл мелодию, которую колдун забыл в детстве, стены башни дрогнули.

Принцесса открыла дверь, и они вышли в рассвет. У подножия башни они посадили сад. Каждый цветок в нём был историей их спасения».

Слова Невены оживали в воображении Драгана. Он видел, как принцесса выглядывает из окна башни, ожидая отважного спасителя.

Звонок вернул Драгана из воспоминаний.

— Доброе утро, Серб. Приезжай в офис — появился срочный репортаж.

— Но у меня же выходной! — с раздражением ответил Драган.

— Знаю, но нужно срочно обсудить детали.

Он вздохнул, посмотрел на часы:

— Доберусь только через три часа.

— Буду ждать, — коротко отрезал начальник и отключился.

В квартирке-студии Драгана в Чертанове умещались всё необходимое: небольшая кухня, диван, письменный стол для работы над репортажами и даже скромный обеденный уголок. На подоконнике, чуть покрытый пылью, стоял диплом Союза журналистов России.

Единственное окно выходило во двор. Старые разошедшиеся рамы не давали воздуху проникнуть в комнату. В помещении стоял запах пыли.

«Нужно что-то менять», — подумал Драган, оглядывая жилище.

На кухонном столике ожидала памятная кружка — мамин подарок из первого класса. Когда-то белоснежная, теперь на ней едва угадывался портрет футболиста Жежмана. Драган взял её в руки и замер: в этот момент граница между прошлым и настоящим стёрлась. Перед глазами встал 1999-й.

Память показала утро из прошлого крупным планом: семья за круглым столом — юный Драган, Милош, Невена. Звон посуды, стук ложек — простые звуки, ставшие частью детства. После завтрака Милош направлялся в «Радиотелевидение Сербии», а Драган с Невеной — в школу. Дорога проходила через высокие дома, узкие улочки, кафе с вывешенными меню.

Особенно выделялось «Kafana Question Mark». По утрам её столики занимали весь тротуар. Студенты спорили о политике, пожилые люди пили чай, влюблённые молчали, не замечая никого вокруг.

После уроков Невена и Драган направлялись к церкви Ружица. Сорок минут пути — достаточно, чтобы обсудить школьные дела, поговорить о футболе и друзьях Драгана.

У входа в храм их встречали две скульптуры: величественный сербский король Стефан Душан в парадных доспехах и отважный пехотинец времён Балканских войн, будто застывший в вечной страже. Драган каждый раз задерживал взгляд на них — в этих фигурах воплотилась история его страны.

Внутри храма его внимание сразу притягивали необычные люстры: они были собраны из гильз, сабель, штыков и артиллерийских снарядов. В полумраке церкви эти предметы, некогда служившие войне, превращались в источник света — осколки прошлого, обретшие новое предназначение.

Вечерняя служба окутывала храм особой тишиной. Её нарушали лишь шёпот молитв и едва уловимый треск горящих свечей. Мужчины стояли справа, женщины — слева, а отблески пламени дрожали на старинных стенах. Воздух был густым от терпкого запаха ладана, который смешивался с ощущением вечности.

Когда заканчивалась проповедь, наступал миг причастия. Алтарник передавал диакону священный сосуд с антидором, и тот обходил прихожан. И всякий раз, когда очередь доходила до Драгана, по телу разливалась тёплая волна: каждая клеточка наполнялась удивительным покоем, будто весь мир на мгновение становился проще и понятнее. В притворе тем временем прихожане зажигали свечи — каждый огонёк был молчаливой просьбой или благодарностью, посланной ввысь.

Выходя из храма, Драган глубоко вдыхал прохладный вечерний воздух. Где-то рядом, за поворотом, уже доносился аппетитный запах еды — он манил и обещал тепло домашнего очага.

Ужин для семьи Драгана был не просто трапезой — это была традиция, священный ритуал. Он особенно ждал вечеров, когда мама готовила *ћивеџ*. Уже с порога чувствовался насыщенный аромат тушёного мяса и овощей, который мгновенно переносил его в сердце дома.

Драган любил наблюдать за процессом: вот щёлкает дверца шкафчика, вот мамины руки плавно движутся над разделочной доской, нарезаая овощи. Постепенно кухня наполнялась родными запахами, а самые обычные продукты, преображаясь, становились строками их семейной хроники — историями, которые передавались из поколения в поколение.

«24 марта 1999 г., вечер.

Я всё ещё на работе. Должен быть дома, за семейным ужином. Наверняка Невена приготовила *ћивеџ*. Пропустил. Стыдно. Она ждёт меня, а я не пришёл. Завтра обязательно поговорю с ней и объясню, почему задержался. Это не телефонный разговор».

Тишина за ужином делала звуки отчётливыми: позвякивание ложек о фарфор, мерное тиканье часов, прерывистое дыхание матери.

За столом — лишь двое: она и Драган. Третье место, где обычно сидел отец, пустовало, как тёмная прореха в привычном укладе.

Драган незаметно следил за матерью. Улыбка на её лице казалась приклеенной, а руки подрагивали. Когда она поднимала ложку, пальцы едва касались края тарелки, боялись к ней притронуться.

После того как они поужинали, Невена включила сериал «Эсмеральда», который начался ровно в 20:00. Обычно она жадно следила за сюжетом, а сегодня наблюдала отстранённо: образы проплывали мимо, не оставляя следа в душе. В углу экрана появился мигающий значок самолёта, и воздух разорвали пронзительные сирены.

Драган бросился к окну.

В небе расцвёл огненный цветок — точь-в-точь как на обёртках старых фейерверков, что они с отцом запускали на Новый год. Только теперь этот цветок не искрился, а корчился в судорогах, разбрасывая клочья тьмы.

«Как стореvшая бабочка», — подумал Драган, и от этой мысли внутри всё сжалось.

Позже Милош сказал: «Снаряд попал в военный аэродром».

Драган зажмурился, и перед глазами всплыло футбольное поле — там, где он со своим другом Николой гонял мяч. Мысли о футболе его всегда успокаивали — и в этот раз помогло.

Прижавшись к груди матери, он чувствовал, как она дрожит. Сердце Невены билось всё чаще, пытаясь обогнать торопливый бег стрелок старинных часов. Драган крепче обнял маму, зажмурился, считая про себя: «Jedan, dva, tri, četiri, pet, šest, sedam, osam, devet, deset»⁴.

«Я просто не буду думать об этом. Подумаю позже. Всё будет хорошо. Отец скоро придёт», — повторял он про себя.

Невена превратила обычный шкаф в убежище. Застелила дно мягким матрасом, положила подушку, постелила простынь и приготовила фонарик. В этом укромном месте, где пахло свежестью чистого белья, он наконец смог перевести дух.

Набирая номер телеканала, где работал муж, она мысленно повторяла: «Только бы ты был жив». Услышав знакомый голос, хриплый от сигаретного дыма, она закрыла глаза, с трудом выдохнула и медленно опустилась на стул.

Милош вернулся в два часа ночи. Грохот бомб продолжался до четырёх утра.

Утро принесло другую атмосферу. Невена молча разливала чай, Драган рассеянноковырял ложкой остывший кашатак⁵, а Милош погрузился в записи дневника.

Этот день стал для Драгана иным. Впервые он шёл в школу после ночных бомб. «Страшно, не хочется идти, но нужно», — думал он.

Милош торопливо направился к остановке, оглядываясь по сторонам в ожидании автобуса. Невена с сыном шли к школе. Шестьсот метров растянулись в его сознании до нескончаемой версты.

Добравшись до школы, Драган с облегчением выдохнул и улыбнулся: «Ты в порядке!»

Двухэтажное здание из красного кирпича. Главная лестница вела к массивным дверям с латунными ручками. Ему нравилось заходить через парадный вход — не потому, что мама работала учительницей, а потому что школа была для него вторым домом. Одноклассники стали ему как братья и сёстры, а учителя — как родители. Здание напоминало их квартиру: те же тёплые стены, тот же запах чистоты и уюта.

Резкий сигнал школьного звонка заставил его сердце стиснуться.

Урок математики начался непривычно тихо. Класс, обычно полный смеха и шума, замер в тревожном ожидании. Одноклассники сидели неподвижно, обмениваясь настороженными взглядами. Кто-то нервно тербил край рубашки, кто-то грыз ручку, а кто-то машинально рисовал каракули в тетради. Воздух сгустился, и с каждой секундой тишина становилась всё тяжелее.

Лиляна Милич, их учительница математики, вошла в класс с привычной улыбкой. Но, едва окинув взглядом притихших учеников, она замерла на мгновение, не скрывая удивления. Медленно подойдя к столу, она положила журнал и, слегка нахмутив брови, мягко спросила:

— Ребята я точно в тот класс попала? Что случилось с вашим весёлым и озорным классом? Где ваши улыбки, где ваши шутки?

В ответ — неловкое молчание. Одни неуверенно пожимали плечами, другие, опустив головы, разглядывали узоры на партах, а кто-то смотрел в окно, за которым виднелось безоблачное небо.

Урок тянулся бесконечно долго. Размеренный голос Лиляны Милич, объяснявший теорему Пифагора, растворялся в воздухе, не достигая сознания учеников. Мысли у всех были далеко — тяжёлые, тревожные, они не давали сосредоточиться ни на формулах, ни на задачах.

⁴ Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

⁵ Традиционное балканское блюдо, которое представляет собой смесь из картофеля, пшеничной муки и сыра. Его часто подают с мясом и другими гарнирами.

Минутная стрелка ползла по циферблату, отмечая конец математики. Начался урок английского языка. Невена едва успела раскрыть учебник, как пронёсся вой сирены оповещения. Звук был такой силы, что сама школа содрогнулась до фундамента.

Драган оцепенел, чувствуя, как кровь отступает от лица. В классе повисла тишина, нарушаемая прерывистым дыханием одноклассников. В их раскрытых глазах читался страх.

Невена, всегда спокойная и уверенная, стояла бледная, с дрожащими руками — теми самыми руками, которые раньше казались Драгану такими надёжными. На мгновение она замерла, инстинктивно спрятав ладони за спину, но тут же взяла себя в руки.

— Ребята, быстро на выход! Всем в подвал! — её голос, обычно мягкий и мелодичный, прозвучал резко и властно. Драган заметил в её глазах тот же страх, что и у детей, — но за ним скрывалась решимость.

Староста класса Никола, охваченный адреналином, подхватил её команду:

— Что непонятно?! Быстро все в подвал! Шевелитесь!

Ученики, ещё минуту назад такие разные, теперь двигались как единое целое — растерянные, напуганные, но сплочённые общей угрозой. Поток детей устремился к выходу, оставляя позади парты, раскрытые учебники и всё то, что ещё недавно казалось важным.

Свет погас.

Тьма коридора без окон давила на уши — ни звука, только дыхание и шорох ладоней по шершавой стене. Она стала их проводником: к ней прижимались, по ней скользили пальцами, шаг за шагом. Драган шёл замыкающим. Оборачиваясь, он не видел — чувствовал её позади: плотную, вязкую, живую.

«Мне страшно, очень страшно», — билась в голове одна мысль.

Они продвигались вслепую, натыкаясь на углы поворотов, пока впереди не дрогнул слабый свет. Стефан, учитель физкультуры, держал свечу — пламя подрагивало, бросая блики на лица. Он кивнул, кинув взгляд на тёмный проём подвала, и слегка махнул рукой в том направлении. Преодолев три лестничных пролёта, они оказались в просторном помещении с серыми бетонными стенами.

Шум в ушах стих. Драган моргнул — и вместо тусклого пламени свечи увидел ровный свет лампы. Серые стены квартиры обступили его, возвращая в настоящее. Пот струился по спине, пропитывая одежду. Он быстро стянул промокшую футболку и бросил её на диван. Следом полетели шорты, едва не запутавшись в ногах. Торопливо натягивая джинсы, он чувствовал, как ткань скользит по разгорячённому телу.

Свежая футболка принесла облегчение прохладой. Её мягкая ткань холодила кожу, возвращая чувство собранности. Куртка, небрежно накинутая на плечи, завершила эту смену одежды.

Входная дверь с грохотом захлопнулась — он вздрогнул всем телом. Руки машинально нырнули в карманы джинсов: пусто. Холодный металл не отозвался прикосновением. «Чёрт!» — ключи от старого «Москвича» остались на тумбе.

«Назад», — коротко бросил он сам себе и развернулся. Торопливые шаги, пальцы нащупывают связку, сжимают прохладный металл.

Осталось последнее — взглянуть в зеркало. Старая примета никогда его не подводила. Отражение встретило его усталым взглядом: растрёпанные волосы, тени под глазами. Но в глубине глаз светилась решимость. Он кивнул себе, подтверждая: «Да, я готов». И вышел, на этот раз надёжно зажав ключи в ладони.

Двигатель кашлянул и ожил лишь с третьей попытки. Драган включил магнитолау — и салон тут же наполнили знакомые аккорды «Bajaga»⁶ и песня «Ruski voz»⁷. Музыка сопровождала путь до работы, настраивая на день.

⁶ Прозвище сербского рок-музыканта Момчило Баягича (серб. Момчило Бајагић), лидера группы «Бајага и инструктор»

«Voz, pospani voz za Harkov, Gomelj, Lenjingrad
Znam kako je noćas dalek Beograd».
«I u pismu jedina tuga što me razbija.
Nije votka rakija, mada noćas udara
Tuga mi je velika, velika ko Rusija»⁸.

Работа журналиста на федеральном канале не знала выходных — ни на минуту нельзя было отключиться от новостей. Поначалу он плутал в коридорах телецентра, как в лабиринте Минотавра: каждый поворот таил неожиданность — то дверь без таблички, то лестница, ведущая в тёмный закуток за декорациями.

Теперь он мог пройти здесь, не глядя на указатели — по запаху кофе из буфета, по гулу студий. Лабиринт больше не пугал: он превратился в привычную среду, где каждая трещина в стене, каждый поворот и каждая скрипучая дверь стали частью его ежедневного маршрута. Он знал, где притаилась тишина монтажной, где бурлит жизнь новостной редакции, а где прячется тихий уголок, чтобы на минуту закрыть глаза и собраться с мыслями перед новым забегом по этому нескончаемому пути.

Тихо приоткрыв дверь, Драган помедлил на пороге. Андрей Александрович стоял у окна, спиной к нему. В лучах солнца его лысина ловила свет. Драган невольно улыбнулся: в этой позе начальник напоминал шимпанзе — полненький, с лопоухими ушами, волосатыми руками в закатанных рукавах.

Но улыбка погасла, когда взгляд упал на стол. Фарфоровые собаки в строгом ряду — как караул на страже забытых воспоминаний. А рядом фото двух лабрадоров: чёрного и рыжего. Точно таких же, как в питомнике в Белграде...

Драган машинально достал «Dirol», сунул две подушечки в рот. Едва мелисса коснулась языка, он чихнул:

— Апчхи-апчхи!

Андрей Александрович медленно повернулся. Его маленькие синие глаза впились в Драгана:

— Здравствуй, будь здоров, Серб. Присаживайся.

Прозвище кольнуло, но он смолчал. «Серб» приклеилось к нему в первый рабочий день, когда на вопрос о национальности он ответил «серб».

— Нужно снять репортаж в Белграде. Двадцать пять лет со дня бомбардировок.

Время остановилось.

В ушах зазвучал далёкий гул, запах антисептика смешался с запахом гари. Он вспомнил: пыль на зубах, крики, руки, тянущиеся из-под обломков.

— Я... отлучусь, — выдавил он, прижав руку к груди.

Не рассчитав высоту, он рванулся к двери — лоб врезался в притолоку. Боль вспыхнула, но не заглушила воспоминаний. Он бежал по коридору, не видя ничего. Влетел в туалет, ударил плечом о дверь.

Вода из крана обрушилась с грохотом. Он погрузил ладони в ледяную струю, затем провёл мокрыми пальцами по лицу. Холод пробирал до костей, но не мог остудить пожар внутри. В зеркале — чужие глаза, слишком большие, полные немого крика.

«Нужно собраться», — подумал он. Вдох. Выдох. Вода стекала по щекам, унося жар паники.

Вернувшись, он встретил взгляд начальника.

— Твой ответ?

тори» (Bajaga i instruktori).

⁷ «Русский поезд» — известная баллада сербской рок-группы Bajaga i instruktori (лидер — Момчило Баяга). Песня вошла в альбом «Prodavnica tajni» («Лавка секретов», 1988) и стала одной из самых узнаваемых в творчестве коллектива.

⁸ «Поезд, ночной поезд на Харьков, Гомель, Ленинград

Драган сжал край стола. Как сказать, что каждый кирпич в Белграде — осколок его памяти?

— Тяжело это... Не привык я про такое говорить. Двадцать пять лет уже прошло, а всё равно больно. Сам через это прошёл, никому не рассказывал. Не хочу сейчас опять всё это вспоминать.

Андрей Александрович помолчал.

— Серб, я понимаю, что тема непростая. Но это важная дата. Нужно показать, как живёт город сейчас. — Он сделал паузу. — Я могу порекомендовать другого корреспондента.

Драган опустил голову. Он знал: если откажется, его карьера рухнет. Но если согласится — рухнет он сам.

— Дайте мне время всё обдумать, — тихо произнёс он.

— Хорошо. Но решение нужно принять в ближайшее время.

Драган медленно направился к двери. Тяжесть в груди не проходила. Повернулся к шефу и сказал:

— Понимаю. Всего доброго.

Глава III

Полоса тумана тянулась до самого горизонта. Поезд, покачиваясь, медленно скользил по рельсам. В этот раз Драган ехал в плацкарте. Под мерный стук колёс он смотрел вдаль, погружаясь в мысли.

Ему нравилось наблюдать за чужой жизнью через окно — точно кадры фильма. Вот мужчина с женщиной убирают прошлогоднюю траву во дворе, а рядом с ними играют их дети. Мгновение спустя — пожилая пара пьёт чай в беседке, и на их лицах — спокойствие. В улыбках не было суеты, только тепло, в котором не чувствовалось спешки.

За те несколько минут, пока перед ним мелькают деревни и городки, складывается общее впечатление о месте, а остальное додумывается само собой.

Взгляд остановился на женщине напротив. Она общалась по видеосвязи на жестовом языке — плавные движения рук, выразительная мимика, чёткие паузы между фразами. Что-то в её манере — особый взмах кисти, едва заметная задержка перед ключевым жестом — показалось Драгану знакомым.

Жестовый язык всегда завораживал его. Беззвучный, он дарил передышку: погружаешься в него уставшим, а вынырываешь обновлённым. Драган немного понимал его: когда-то учитель физкультуры, будучи немым, терпеливо объяснял основы.

Глядя на движения рук женщины, он неосознанно подумал: «Так же показывал Стефан...» И тут же — дверь распахнулась — перед ним возник подвал школы 1999 года.

В памяти всплыло: Стефан, учитель физкультуры, медленно спускался в подвал. В правой руке он держал свечу, левой опирался о стену. Сумрачное помещение, пропитанное запахом сырости, напоминал зал ожидания заброшенного вокзала. Только здесь люди ждали не транспорт, а свою судьбу, погружённые в молитвы.

Драган ощутил, как сердце сворачивается в груди, а по спине пробежала ледяная дрожь. Он ходил от угла к углу в поисках укромного места. Присев на скамейку, мысленно повторял: «Здесь бомба меня точно не достанет!» Он начал считать до десяти, совсем забыв о матери, стоявшей рядом.

На скамейках сидели одноклассники и ученики из других классов. Учителя собрались в небольшой круг, тихо переговаривались, сдерживая панику. Стефан раздал фонарики педагогам и старостам.

— Это не учебная тревога. Ситуация реальная и связана с событиями вчерашнего дня, — начала директор. — С сегодняшнего дня все занятия отменяются до полного разрешения чрезвычайной ситуации. Прошу вас не волноваться.

Несмотря на страх, желудок напомнил о себе: в подвал спустились два повара с большими кастрюлями. Среди учеников тут же поднялась суета. Они переглянулись и хором воскликнули:

— Завтрак!

— Старосты классов! — громко скомандовала директор. — Подходим по очереди со своими классами! Не толпимся! Еды хватит всем! Начинаем с первого класса!

Староста, ученики и классный руководитель первого класса подошли к поварам и получили перекус. Все с любопытством наблюдали, что же им дадут. В руках у детей оказались булочки и бутылочки с яблочным соком.

Когда подошла очередь класса Драгана, он отказался от еды — тревога полностью отбила аппетит. Староста Никола взял перекус и для себя, и для Драгана, после чего подошёл к нему.

— Драга, поешь хотя бы немного, — тихо предложил Никола. — Силы нам ещё пригодятся. (В классе его все звали просто Драгой.)

— Нет, спасибо, — покачал головой Драган. — Забирай себе, я не голоден.

Никола похлопал его по плечу:

— Не переживай, всё будет...

— Хорошо? — перебил Драган резко, голос чуть дрогнул, но он постарался взять себя в руки. — Нет, Никола, не хорошо. У меня такое чувство, будто вот-вот что-то произойдёт... как вчера вечером, когда сирены включали. Помнишь? Только сейчас ещё хуже — прямо в груди давит, будто что-то надвигается. Просто нутром чую, понимаешь?

Он на секунду замолчал, оглянулся, словно проверяя, не слышит ли кто, и продолжил тише:

— И хуже всего то, что я никак это не остановлю. Совсем никак. Никак не могу это изменить, хоть тресни. Я никому про это не говорил — только тебе. Потому что ты... ты поймёшь.

Староста молча надкусил булочку, запил яблочным соком и уставился на мрачную серую стену подвала.

Подвальная дверь с грохотом ударилась о стену, распахнувшись. На пороге стоял полноватый мужчина лет сорока в кожаной куртке и потёртых джинсах — водитель школьного автобуса.

— Автобус заправил. Может, детишек развести по домам? — спросил он директора, почёсывая бороду.

— Да, — ответила директор. — Под вашу ответственность. С вами поедет учитель-сопровождающий Невена Маркович.

Она перевела взгляд на учителя физкультуры и попросила его помочь рассадить детей по автобусу. Стефан на секунду закрыл глаза и кивнул.

Дети привыкли понимать учителя физкультуры по свистку: один — построение в шеренгу, два — бег по кругу, три — спортивные игры. Все с нетерпением ждали четырёх свистков подряд — это означало перерыв.

Тревога всё сильнее сдавливала грудь Драгана, дышать становилось труднее. Он боялся выходить на улицу — казалось, за порогом его ждёт что-то неотвратимое. Отец утром уверял, что бомбёжки случаются только по ночам, но от этих слов легче не становилось. И всё же, когда толпа у входа в автобус начала рассасываться, он сделал шаг вперёд. Поддавшись общему движению, Драган шагнул внутрь.

Школьный автобус, потрёпанный, но надёжный, хранил следы несчётных поездок: царапины на кузове, вмятины, надписи на сиденьях. Внутри всегда пахло кожей и старыми учебниками.

Медленно двигаясь между рядами, Драган искал того, кто выглядел бы бесстрашным, — это помогло бы ему отвлечься от собственных тревог. Его взгляд встретился с зелеными глазами одноклассницы Милицы. Она сидела у окна, задумчиво смотря вдаль.

— Можно? — тихо спросил Драган, указывая на место рядом с ней. Получив её едва заметный кивок, он опустился на сиденье. «Теперь уже не так страшно», — промелькнуло в его мыслях.

Автобус качался на неровной дороге. Драган невольно вцепился в подлокотник. За окном были видны знакомые дома и деревья, но сегодня они выглядели иначе: голоса звучали тише, а цвета пейзажей казались менее насыщенными. Кто-то кашлянул, и все замолчали. В салоне стало тяжело дышать. Через некоторое время снова послышались звуки: шёпот, скрип сиденья, прерывистое дыхание кого-то из учеников. Драган стиснул кулаки, но это не дало результата. Он почувствовал, как дрожит: сначала пальцы, потом предплечья. «Глупо, — подумал он, — будто кулаки могут остановить то, что уже внутри».

Драган невольно втянул воздух. В салоне к запаху кожи сидений и старых учебников добавлялись полутона сыроватой одежды и едва уловимый намёк на яблочный сок из буфета. В тишине раздался шёпот: кто-то пересчитывал одноклассников, проверяя, все ли на месте.

Милица сидела рядом, машинально переплетая косички — так она делала на каждом уроке математики, когда нервничала. Драган хотел заговорить, но слова не шли. Вместо этого он достал из кармана сложенный вдвое билет в кино — тот самый, который купил неделю назад, собираясь пригласить её. Сейчас билет казался нелепым артефактом из другой жизни.

— Ты точно в порядке? — тихо спросила Милица, не поворачивая головы.

Он хотел сказать «да», но губы не слушались. Вместо этого прошептал:

— Боюсь, что не смогу защитить тебя.

Она повернулась к нему. В её глазах не было страха — только твёрдость, которую он раньше не замечал.

— Никто не должен никого защищать, — сказала она. — Мы просто едем домой.

Милица запомнилась ему девочкой с двумя тёмными косичками и в белых кружевных колготках.

Маленькие ножки в белых кружевных колготках покачивались напротив Драгана. Поезд шатался из стороны в сторону, и девочка, заметив его взгляд, улыбнулась. Немая женщина рядом с ней мягко коснулась её плеча, веля молчать. Девочка тут же, не скрывая радости, указала на упаковку сока с трубочкой и лежащие рядом сладости. Женщина протянула ей сок и две печенюшки. Зашуршала упаковка — она с удовольствием принялась за угощение.

Вскоре воздух наполнился ароматом миндальных печений, который напомнил Драгану о матери: она тоже пекла такие по воскресеньям. Мысли о доме согревали, но тревога не отпустила.

Сладковатый аромат жасмина донёсся до Драгана от проходящей мимо девушки. Этот запах напомнил ему о проводнице, встречавшей пассажиров на посадке. Он двинулся за девушкой и вскоре оказался в тамбуре.

На униформе незнакомки красовался бейдж с именем «Анна». В огромном вагоне она выглядела невесомой — хрупкая, точно Дюймовочка.

— Анна, до станции Добрятино ещё далеко?

— Через час будем. Я вас предупрежу.

— Спасибо.

Проводница направилась в соседний вагон. Захлопнула за собой дверь так резко, что Драган невольно вздёргнулся. Вагон подпрыгивал. Глухо стучал. Сопrotивлялся движению вперёд. В тамбуре пахло сигаретным дымом.

Спустя двадцать минут он вернулся в купе. Присел на нижнюю полку и потянулся к дорожной сумке. Снимая тапочки, заметил спящую немую женщину, прижавшуюся к стене. Девочка в белых кружевных колготках свернулась калачиком под колючим одеялом и тихо посапывала. Её мирное дыхание заглушал храп полноватого мужчины напротив.

Стараясь не разбудить попутчиков, Драган осторожно убрал тапочки в боковой карман сумки. В этот момент появилась проводница Анна и шёпотом сообщила:

— Ваша станция через пятнадцать минут.

Она улыбнулась, и в её глазах промелькнуло искреннее участие.

— Спасибо вам, Анна, — ответил Драган, улынувшись в ответ.

«Как часто мы судим о людях по первому впечатлению, — подумал он. — При встрече на перроне она показалась мне надменной, но теперь я вижу её подлинное „я“».

Драган поднялся, проверил столик, своё место и розетку. «Ничего не забыл», — отметилась мысль.

В вагонном проеме его встретил резкий запах табака, от которого защицало в глазах. Снова этот въедливый сигаретный дым пропитал воздух тамбура.

Анна ждала остановки вместе с ним. Поезд замедлил ход. Остановился с резким толчком.

— Всего доброго! — пожелала Анна.

— И вам счастливой дороги! — ответил Драган.

Она осталась в тамбуре, провожая взглядом станцию Добрятино.

Вечерний мартовский воздух вдаль от города дышал свежестью — чистый, прозрачный, с лёгкой примесью талого снега. В Москве зима выдалась бесснежной, но здесь, в Добрятино, ещё недавно белели сугробы — теперь от них остались лишь тёмные влажные пятна на земле.

До дома Невены было недалеко: восемь домов, десять минут неспешной ходьбы. Впереди, сквозь ветви голых кустов, проглядывал знакомый зелёный забор — краска на нём облупилась, но всё равно казался он каким-то родным и приветливым.

Калитка скрипнула, поддаваясь лёгкому толчку. Он шагнул во двор и мимоходом подумал: «Опять петли смазать надо...»

Двор ухоженный. Это видно по деревянной дорожке из досочек, за которой скоро будут пестреть цветочные клумбы, заботливо разбитые матерью. Драган не переставал восхищаться тем, как мама поддерживала порядок в доме и на улице. В те годы, когда они жили в Белграде, она умудрялась совмещать всё: работу учителя, заботу о семье и регулярные посещения церкви Ружица.

На резкий скрип калитки Невена выглянула из двери. В руках — тряпка, на ногах — старые галоши.

— Sine, zašto me nisi upozorio da dolaziš⁹? — её голос дрогнул. — Ja bih kuvao tvoje omiljeno jelo. Dugo nisi bio ovde. Kako si?¹⁰

Драган обнял её, чувствуя, как напряжены её плечи.

— Mama, sve se dogodilo spontano¹¹, — прошептал он. — Želeo sam da te vidim...¹²

Только теперь он заметил седину в её кудрях. «Когда она успела постареть?» — подумал он, держа её руку.

Невена стояла перед ним — высокая, хрупкая, в платке и халате. Казалось, время здесь остановилось.

«Мама, как же я хочу быть рядом с тобой, — мысленно говорил он. — Зачем ты осталась в посёлке? Может, всё-таки переедешь ко мне?»

— Najde da večeramo¹³, — похлопала она его по спине и зашла в дом.

Посреди кухни стоял круглый стол, словно перенесённый из белградской квартиры. На нём ждали традиционные сербские угощения: сочная šopska salata¹⁴, нежная miškalica и чёрный кофе.

«Мама до сих пор не привыкла к русской кухне, — с лёгкой улыбкой подумал Драган, глядя на стол. — На нём всегда только сербская».

В молчании тянулся ужин. Он пробовал насладиться miškalica¹⁵, но куски сами собой скользили по горлу.

Драган убрал со стола и начал мыть посуду — медленно, через силу. Каждое движение отзывалось тяжестью в плечах, а в голове билась одна мысль: «Всё, больше не могу». Тупая боль в висках, усталость, сковавшая тело, — всё это подталкивало к одному: упасть и уснуть.

Сонливость стала невыносимой. Он шатался, но дошёл до комнаты. Рухнул на кровать, едва коснувшись подушки, и провалился в беспамятство — глубокий, тяжёлый сон, который длился до самого рассвета.

⁹ Сын, почему ты не предупредил, что приедешь?

¹⁰ Я бы приготовила твоё любимое блюдо. Ты давно не приезжал. Как ты?

¹¹ Мама, всё получилось спонтанно.

¹² Я хотел тебя увидеть.

¹³ Давай поужинаем.

¹⁴ Салат из помидоров, огурцов, лука, болгарского перца (сырой, маринованный или жареный), сыра, петрушки, оливок, оливкового масла, уксуса, соли.

¹⁵ Сербское блюдо, рагу из мяса и овощей. Главная особенность этого блюда в том, что перед приготовлением мясо необходимо приготовить на гриле. Это может быть свинина, говядина или баранина.

Пробуждение пришло тихо: сначала — приглушённый свет сквозь занавески, потом — тяжесть в мышцах, не дающая подняться. Он с трудом разлепил глаза, медленно сел и спустил ноги на пол. Деревянные половицы холодили ступни, пока он, ещё сонный, брёл в кухню.

Утренний дом встретил его тишиной и спокойствием. На столе ждала глиняная миска с остатками вчерашнего ужина.

Открыв стеклянные дверцы дубового буфета, Драган на мгновение остановился. Его глаза задержались на полке с домашней rakija¹⁶ — неизменный запас Невены для гостей. Прозрачная жидкость в пузатых бутылках отсвечивала янтарём в лучах солнца, а на этикетках, написанных на сербском её рукой, были указаны год и сорт фруктов. «Каждая бутылка — как музейный экспонат», — подумал он с улыбкой.

Без утреннего кофе день казался серым и тусклым. Лишь после первой чашки мир обрёл чёткость, краски становились ярче — и тогда Драган приступал к своему неизменному ритуалу.

Пальцы привычно отыскивали старинную кофейную банку — тяжёлую, с едва заметными узорами, выгравированными когда-то давно и почти стёртыми временем. Драган осторожно снял крышку — и кухню тут же наполнил густой аромат свежемолотых зёрен, переплетающийся с тёплым запахом старого дерева. Так начинался новый день: в тишине, в традициях, в знакомых ощущениях.

Заварив крепкий кофе, он вышел на крыльцо. Утренний воздух окутал его свежестью. Где-то вдалеке раздавался мерный стук молотка, доносилось кудахтанье кур, а где-то заливисто лаяла собака — всё это сливалось в привычный деревенский гул. Пение птиц смывало ночные тревоги, освобождая голову от тяжёлых мыслей.

Драган неспешно зашагал по заднему двору, вдыхая полной грудью. Весна ощущалась в каждом вдохе: в свежести влажной земли, в тонком аромате распускающихся почек, в лёгком ветерке. Подойдя к бане, он вдруг заметил маленькое оконце, похожее на скворечник, — раньше он его не видел.

По привычке Драган направился к колоде за дровами. Взяв топор и пару поленьев, он приготовился рубить. Первый удар вышел неточным — чурак упрямо отскочил в сторону. Но со второй попытки дерево поддалось, раздался приятный треск расколотой древесины.

Он вошёл в полутёмную баню. Всё здесь оставалось прежним: в предбаннике стояли старые Г-образные скамейки, над головой гирляндами свисали берёзовые веники, источая терпкий, травянистый, чуть сладковатый запах. Драган аккуратно уложил поленья в топку, поджёг скомканную газету — и вскоре огонь весело затрещал, разгоняя полумрак и наполняя помещение теплом. Воздух быстро насытился смолистым ароматом берёзовой коры и нагретого дерева.

Пока пламя разгоралось, мысли Драгана унеслись далеко — в прошлое. В Белграде у него никогда не было бани. Здесь, в Добрятино, он впервые познал её особую прелесть: тишину, тепло, запах веников, ощущение покоя.

Пряность топящейся бани разлилась по двору, привлекая внимание Невены.

Со скатертью для беседки в руках она вышла из дома.

— Noćemo li doručkovati na svežem vazduhu? Kako vam se sviđa ideja?¹⁷ — подмигнула ему.

— Може.¹⁸

Завершив подготовку стола — расстелив белоснежную скатерть и приведя её в безупречный вид — она двинулась в дом за завтраком.

¹⁶ Традиционный балканский крепкий алкогольный напиток, который получают путём дистилляции сброженных фруктов.

¹⁷ Позавтракаем на свежем воздухе? Как тебе идея?

¹⁸ Можно.

Драган бесшумной тенью последовал за ней. В доме пахло кофе и свежей выпечкой. В своей комнате он задержал взгляд на стуле — на нём небрежно брошенный торчал из дорожной сумки старый отцовский дневник.

Он не удержался и протянул руку к обложке, измятой годами. Пальцы осторожно коснулись страниц, тронутых временем, и в голове пробежала мысль: «Почему меня так тянет к этому дневнику? Может быть, он стал для меня одновременно талисманом и утешением?»

Каждый раз, открывая эти страницы, он ощущал тот же запах — чуть пыльный, с ноткой старого пергамента, как в тот самый день, когда он впервые их открыл. Перед глазами снова и снова возникала одна картина: отец сидел у окна, помешивая кофе, а мама смеялась над его шуткой. Тогда он ещё верил, что это навсегда.

Дневник был единственным местом, где семья оставалась целой. Он водил пальцем по строкам, выводившим отцовским почерком, и чувствовал, как строки согревают. Эти слова были не просто воспоминаниями — они напоминали, как надо жить.

Он перевернул страницу. На полях была приписка, едва заметная: «Сынок, помни: даже в бурю есть берег, к которому можно причалить». На мгновение ему показалось, что отец говорит с ним прямо сейчас.

Чтобы ухватиться за этот голос, он открыл дневник на случайной странице. Глаза сами нашли дату:

«29 марта 1999 года.

«Сегодня был концерт на площади Республики. Выступал «Bajaga»¹⁹ — наш любимый исполнитель. Я взял с собой жену и сына. В воздухе пахло дымом, а громкие аккорды отдавались в груди. Люди стояли плечом к плечу — никто не толкался, не ругался. Даже старики подпевали, глаза блестели.

Чувствую себя странно: с одной стороны, страшно за будущее, а с другой — горжусь нашим народом. Протестуют песнями, показывая храбрость и готовность бороться за свою страну. После выступления «Bajaga» я почувствовал прилив отваги. Сын крепко держал меня за руку, будто боялся потерять.

Вечером мы с соседями собрали всё необходимое: матрасы, раскладушки, подушки, одеяла, посуду, одежду и даже телевизор. Все вместе переселились в подвал. Там сыро и прохладно, пахнет землёй».

«3 апреля 1999 года.

Сегодня ночью прогремели три мощных взрыва. На улице Кнез Милоша пылали здания министерств внутренних дел. Рядом находился роддом, и пламя перекинулось на него. Это было ужасно. В воздухе стоял густой запах гари, а где-то вдали были сирены.

Пожарные и «Скорая помощь» работали на месте. Медперсонал эвакуировал младенцев и беременных женщин в подвал. Я не смог остаться в стороне — помог медбратьям нести роженицу на носилках. Руки дрожали, но я старался не показывать страха.

В подвале всё было подготовлено: кровати для младенцев, кровати для женщин. Когда всех разместили, я взял интервью у врачей. Говорил, а сам думал: «Это правда происходит со мной? Когда это закончится?..» Снял репортаж, но в голове всё ещё стоял образ того плюшевого зайца, что лежал на полу подвала. Кто-то забыл.

Надеюсь, Невена и Драган в безопасности. Я даже не успел им позвонить».

«9 апреля 1999 года.

Сегодня Страстная пятница. Пасха — 11 апреля. В подвале пахнет луковой кожурой и воском.

¹⁹ «Bajaga» (Баяга) — прозвище сербского рок-музыканта Момчило Баягича (серб. Момчило Бајагић), лидера группы «Bajaga и инструктори» (Bajaga i instruktori).

Женщины нашего дома красят яйца и готовят постный обед. Молчат. Только ложки стучат по кастрюлям.

Мы стараемся не веселиться. Бомбы сплотили нас — мы стали одной семьёй. Даже соседи, с которыми раньше едва здоровались, теперь вместе у плиты.

Крашу первое яйцо в красный — как в детстве. Рука дрогнула: а защитит ли оно нас на самом деле? Или это просто привычка, за которой мы прячем страх? Опускаю его в краску, а в голове: «Пусть хоть что-то останется целым».

Это яйцо станет «защитником дома» — наше «Чуваркућа». Будет лежать до следующей Пасхи. А старое мы сегодня закопаем в землю. Невена говорит, так избавляются от проблем. Надеюсь, сработает.

За окном тишина. Настораживающая тишина».

«10 апреля 1999 года.

Великая суббота.

Мы стараемся не выходить из подвала — каждый шаг наверх кажется риском. Но Пасха требует места: негде разметить тесто, не хватает света, чтобы аккуратно покрасить яйца.

К тому же в подвале невыносимо жарко от постоянно работающей плиты. Воздух тяжёлый, дышать трудно, а запахи жареного масла и теста только усиливают духоту. Женщины, переглянувшись, решают подняться в квартиры — хотя бы на пару часов, чтобы довести готовку до конца в нормальных условиях.

Вечером пошли в церковь Ружица. Все просят прощения, обнимаются. В полумраке свечи дрожат, как наши голоса. Сын держится за мою руку — он молчит, но я знаю, что он боится.

Перед сном Невена положила «защитника дома» в воду с веточкой базилика. Я смотрел, как листья медленно кружатся в воде, и думал: защитит ли это нас?

В подвале теперь пахнет базиликом и свежестью — будто кусочек дома удалось принести с собой.

За окном снова взрывы. Страшно осознавать, что привыкаешь к ним, как к пению птиц».

«11 апреля 1999 года.

Пасха.

Меня разбудил звон колоколов. Я сказал жене и сыну: «Христос Вскрсе!» — и услышал в ответ: «Ваистину Вскрсе!». Мы обменялись крашеными яйцами — мои руки дрожали, когда я брал своё.

Пошли всей семьёй на пасхальную утрению. В церкви пахнет воском и ладаном. Люди шепчут молитвы, свечи дрожат.

После службы вернулись в подвал. Но прежде чем сесть за стол, женщины снова поднялись в квартиры — на пару часов, чтобы довести до готовности праздничный обед. На лестнице тишина, но каждая ступенька отдаётся в груди, как удар сердца.

Когда они вернулись, в подвале уже пахло румяным реџење²⁰, пасхальным рогаџа²¹, пита²², крофне²³, ђорба²⁴. Мужчины собрали длинный стол. На столе — старая вышитая скатерть, свечи. Совместная молитва, пожелания «Срећан Ускрс!»²⁵.

²⁰ Жареное/запечённое мясо (обычно крупный кусок, приготовленный в духовке, на гриле или на вертеле).

²¹ Традиционный плоский хлеб/лепёшка из дрожжевого теста.

²² Пирог или слоёное изделие с начинкой.

²³ Сербские пончики.

²⁴ Традиционный балканский густой суп.

²⁵ Счастливой Пасхи!

Сели за трапезу, начав с яйца. Затем устроили бои. Победителю достаётся яйцо. Драган радовался, когда я стал победителем и отдал ему своё. Он смеялся, а я прислушивался: не взрывы ли за окном?»

Закрыв дневник, Драган вдохнул запах пергамента ещё раз и пошёл на кухню. Невена уже накладывала выпечку в тарелку.

— Uzmi lonac za kafu i šolje²⁶, — сказала она, не глядя на него.

Они вышли в беседку, расставили посуду и приступили к завтраку.

После долгого молчания тишину нарушил голос Драгана:

— Mama, šef će me poslati u Beograd da snimam izveštaj o bombardovanju 1999 godine. Ove godine se obeležava 25 godišnjica početka bombardovanja²⁷.

Невена поставила чашку, не поднимая взгляда.

— Da li ste se složili?²⁸

— Još uvek razmišljam²⁹, — Драган сжал ложку. — Trudim se da ne razmišljam o tome. Čim pomislim na ovo putovanje, postaje loše³⁰.

— Možda bi trebalo da posetite psihologa?³¹

— Ne želim ponovo da pričam o psihologu, — он почувствовал, как дрожат пальцы. — Osećaš se neprijatno u poseti lekarima, posebno psiholozi.³²

Она молча встала из-за стола и вошла в дом. Через несколько минут вернулась с маленьким деревянным сундучком, который хранила с отцовских времён. Драган почувствовал, как сердце забилося чаще.

— Šta je ovo?³³ — прошептал он, не веря глазам.

Не говоря ни слова, Невена осторожно открыла сундучок и достала старый диктофон.

— Uzmi diktafon, — протянула она аппарат. — Tu su poslednji minuti života mog oca. Znao je da umire, i ostavio nam je svoju oproštajnu poruku³⁴.

— Njegovi poslednji trenuci?³⁵ — голос Драгана дрогнул.

— Da. Diktafon je uvek bio sa njim, — тихо сказала она. — Za sve ove godine, nisam imao snage da vam pokažem ovaj diktafon. Ali sada je vreme da se otkrije istina.³⁶

В его груди появилось стеснение. В ушах застучало. Дыхание сбилось.

Поспешно отступил в сени. Опустился на прохладный пол. Прислонился к стене. Рука машинально потянулась к телефону — привычка, выработанная годами. Экран засветился, и знакомая мелодия «Кино» заполнила пространство. «Звезда по имени Солнце» всегда помогала ему собраться.

Наушники отрезали внешний мир. Он закрыл лицо ладонями, пытаясь унять внутреннюю бурю. Минуты тянулись бесконечно, но музыка постепенно возвращала спокойствие.

«Кажется, я нашёл ключ к разгадке», — подумал Драган. — «Диктофон... Он как осколок правды, который нельзя игнорировать».

²⁶ Возьми кофейник и чашки.

²⁷ Мам, мой начальник отправит меня в Белград снять репортаж о бомбардировках 1999 года. В этом году исполняется 25 лет со дня бомбардировок.

²⁸ Ты согласился?

²⁹ Я всё ещё думаю.

³⁰ Я стараюсь не думать об этом. Как только я думаю об этой поездке, становится плохо.

³¹ Может, тебе стоит обратиться к психологу?

³² Я не хочу снова говорить о психологе. Некомфортно посещать врачей, особенно психологов.

³³ Что это?

³⁴ Возьми диктофон... Там последние минуты жизни отца. Он знал, что умирает, и оставил нам своё прощальное послание...

³⁵ Его последние минуты?

³⁶ Да... Диктофон всегда был с ним. За все эти годы у меня не было сил показать тебе этот диктофон. Но теперь пришло время узнать правду.

Правда, которую мы скрываем как вода беззвучно протекает под землей, а потом внезапно вырывается наружу. А иногда от айсберга правды отламывается большой кусок, который сметает всё на своем пути. Диктофон стал тем куском, который отломился от айсберга.

— Sine, zašto sediš na hladnom podu? Prehladićete se. Možda bi trebalo da odete u banya da se zagrejete?³⁷

Он снял наушники и посмотрел на Невену. Без слов взял диктофон и направился к шкафчику за полотенцем. Баня всегда помогала ему думать.

В парной распаривался берёзовый веник, наполняя воздух терпким ароматом. Драган начал париться, чувствуя, как тепло проникает в мышцы. Скрип деревянных досок под ногами, шум пара — всё это задавало мерность, в котором мысли становились яснее.

Выйдя, он ощутил прохладу на горячей и покрасневшей коже. В этот момент донёсся голос Невены:

— Dragan, možda kafu?³⁸

— Da. Hvala.³⁹

На кухне он сел на табурет.

— Vreme je da siđem — voz dolazi uskoro. Sutra je radni dan.⁴⁰

Невена, не замечая его усталости, продолжала:

— Sine, toliko želim da razmazim svoje unuke.⁴¹

Драган сжал кулаки. Опять эти разговоры.

«Брак — это ответственность, — подумал он. — Но страшнее оставить их одних, как отец...»

Собирая вещи, он чувствовал, как внутри что-то меняется. «Может, пора перестать убежать?» — мелькнула мысль.

Драган затянул шнурок на дорожной сумке, бросил взгляд на старый фотоальбом на полке. Не решился взять с собой. Накинул куртку, обнял мать.

— Zbogom. Čuvaj se.⁴²

Невена достала из кармана платок, промокнула глаза.

— Spećan put, sine.⁴³ — проговорила тихо. — Bog te blagoslovio.⁴⁴

— Zbogom, — повторил он.⁴⁵

Под серым небом он шёл к станции «Добрятино». Первые капли дождя упали на землю, создавая монотонное чередование звуков.

«Мама права», — подумал он. «Я хочу улыбаться по-настоящему».

Мысль о психологе больше не казалась пугающей. «Перемены уже начались», — понял он, когда поезд показался на горизонте. В тот же миг он погрузился в воспоминания.

На экране мелькнул поезд, затем — дым и пламя. Голос диктора, сдержанный, но дрожащий, произнёс:

— 11 апреля 1999 года, 11:40. Поезд № 393, минуя станцию Лесковац, двигался по мосту через Южную Мораву в ущелье Грделица.⁴⁶

³⁷ Сынок, почему ты сидишь на холодном полу? Ты простудишься. Может, тебе сходить в баню, чтобы согреться?

³⁸ Драган, может, кофе?

³⁹ Да. Спасибо.

⁴⁰ Пора выходить — скоро поезд. Завтра рабочий день.

⁴¹ Сынок, я так хочу баловать своих внуков.

⁴² Прощай. Береги себя.

⁴³ Удачи тебе в пути, сынок.

⁴⁴ Благослови тебя Господь.

⁴⁵ Прощай.

⁴⁶ Проект «Рыбарь». Осколки Югославии: распятая страна, 2024 г.

Минуту назад дом наполнял пасхальный праздник: звонкие «Христос Воскресе!» и «Воистину Воскресе!», смех, стук крашенных яиц. Но вдруг запищал пейджер Милоша. На дисплее — короткое: «Включи телевизор!»

Не говоря ни слова, Милош бросился к экрану. Остальные, ещё с яйцами в руках, потянулись за ним. Стол остался забыт — тарелки, свечи, скатерть.

Диктор продолжал:

— Истребитель-бомбардировщик F-15E ВВС НАТО, вооружённый ракетами «воздух-земля», получил приказ уничтожить мост. Основная ракета, нацеленная на переправу, поразила поезд. Удар разорвал сцепку: локомотив и первый вагон проскочили вперёд, остальные остались гореть на мосту. Вторая ракета разрушила мост и повторно ударила по составу. Никто не выжил.⁴⁷

Кадры хроники: пламя пожирает вагоны, чёрный дым над ущельем. Драган почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Почему сегодня?.. — прошептал он, сжимая крест. — Это же Пасха.

Отрывистый гудок пронзил уши, и Драган вдруг осознал, что дышит часто-часто, а ладони мокры от пота. Он стоял у жёлтой линии, где-то между 1999-м и 2024-м. Поезд приближался с глухим рокотом, и этот звук — настоящий, нынешний — наконец выдернул его из прошлого. Он отшатнулся.

⁴⁷ Проект «Рыбарь». Осколки Югославии.: распятая страна, 2024 г.

Глава IV

Драган стоял в полумраке коридора, глядя на дверь кабинета. В кармане лежал смятый клочок бумаги с номером.

Глубокий вдох. Рука на ручке двери. Он толкнул её и вошёл.

Кабинет открылся перед ним приглушённым светом и тихим щелчком клавиш. На рабочем столе, поверх «Большой психологической энциклопедии», стоял ноутбук. Психолог, погружённая в работу, быстро набирала текст, полностью углубившись в экран.

Драган остановился у двери, впитывая атмосферу кабинета. Воздух пах бумагой и лёгким цитрусом. Он сглотнул, чувствуя ком в горле, и вытер влажные ладони о джинсы.

Его взгляд скользнул по интерьеру: у окна расположился чёрный диван, рядом — белоснежный стол и три стула. Прозрачные шторы мягко рассеивали солнечный свет, а напротив стола возвышался шкаф с книгами по психологии. На корешках книг, которые лежали стопкой на столе, чётко выделялись названия: «Лекарство от нервов», «Психология влияния», «Игры, в которые играют люди». На подоконнике стояла ваза с белыми камелиями, в углу — напольная лампа с кремовым абажуром.

А на столе «Маятник Ньютона» с пятью металлическими шариками. Они плавно покачивались, изредка постукивая друг о друга. Ритмичное движение напоминало биение сердца, и Драган невольно начал дышать в такт: вдох — стук, выдох — пауза. «Интересно, — подумал он, — почему психологи так любят подобные вещи? Неужели это действительно помогает расслабиться?»

Психолог аккуратно отвела крайний шарик маятника, подняла его и отпустила. Тот с тихим щелчком соприкоснулся со следующим. Ещё несколько секунд она продолжала печатать, затем медленно подняла глаза.

Драган невольно задержал дыхание. Когда её взгляд остановился на нём, в сознании вспыхнули тревожные мысли:

«Зачем я здесь? — пронеслось в его голове. — Как я решился на это? Может, лучше уйти, пока она не заговорила со мной?»

Окаменел на месте, не в силах сделать шаг. В груди сдавило, а горло сжало. Он глубоко вздохнул, пытаясь собраться.

«Нет! Нужно наконец разобраться в себе и избавиться от кошмара прошлого...» — продолжил думать он. Мысли крутились вихрем, но прошлое по-прежнему тянуло его назад. В памяти снова прозвучал голос матери: «Сынок, ты плохо спишь. Это не жизнь».

Он вспомнил вчерашний вечер: как сидел перед ноутбуком, собирая материалы для репортажа. На экране мелькали новостные заголовки, а в углу навязчиво мигали рекламные баннеры. Среди них то и дело появлялись объявления психологов с обещаниями помочь в решении душевных проблем.

Это казалось странным. Словно кто-то подслушал его недавний разговор с мамой, где они обсуждали его переживания. Как будто интернет знал о его проблемах и настойчиво предлагал решения.

Машинально он записал номер телефона с первого попавшегося объявления на клочке бумаги. Но тут же смял листок и бросил в мусорное ведро. Это был спонтанный жест — отчаянная попытка отгородиться от собственных страхов.

Утром, проходя мимо ведра, он заметил смятую бумажку. Смятая бумажка словно напоминала: «Ты знаешь, что нужно сделать... но боишься признаться себе в этом».

Колебания не отпускали его: пальцы уже набирали номер, но внутренний голос не умолкал. «Что, если это проявление слабости? Готов ли я обсуждать свои проблемы с незнакомым человеком? А вдруг это лишь пустая трата времени и денег?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.